Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 2 (56). С. 16–25.
eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).
Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2025;2(56): 16–25.
eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).

Научная статья
УДК 811.161.138
DOI 10.47475/2070-0695-2025-56-2-16-25

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК «ЯЗЫКА ВРАЖДЫ» В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Маргарита Сергеевна Парфёнова
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия,
mparfyonova19@gmail.com, https://orcid.org/0009-0006-1378-6876, SPIN-код: 7804-0569

Аннотация. Концентрация информационных ресурсов в едином цифровом пространстве, анонимность пользовательских высказываний, отсутствие сетевого регулирования создают благоприятные условия для распространения деструктивных речевых практик, нарушающих общественный порядок. Целью данной статьи является исследование активности пользователей в интернет-пространстве, позволившее выявить специфику коммуникативных стратегий и тактик языка вражды. В данной работе приводятся подходы к определению языка вражды и близких к нему номинаций, среди которых риторика ненависти, речевая агрессия, вербальный экстремизм. Рассматривается роль стереотипов и предубеждений, провоцирующих социальные фобии и усиливающих речевую враждебность. С ноября 2023 по декабрь 2024 года было проведено исследование популярных сообществ «ВКонтакте» и Телеграм-каналов Северного Кавказа. Изучались публикации и комментарии как новостных, так и неофициальных групп. Эмпирической основой послужили 618 записей, содержащих признаки конфликтов. В результате была разработана исследовательская стратегия, позволившая выявить и сформулировать коммуникативные тактики языка вражды жесткого, среднего и мягкого уровней сетевых столкновений. Итоги исследования привели к следующим выводам. Специфика языка вражды выражается в имплицитности его содержания и адаптации к алгоритмам социальных платформ. Дискриминационная повестка смещается к инструментам визуализации контента: фотографии, мемы, стикеры, GIF-анимация, хэштеги, ролики и трансляции распространяют все виды нетерпимости. Виральность эмоционально заряженного контента и демократизация информации привели к размытию границ объективности, где количество просмотров, реакций и комментариев преобладает над достоверностью. Результаты исследования можно использовать для прогнозирования и предотвращения речевых конфликтов в цифровой среде.

Ключевые слова*:* язык вражды, речевая агрессия, риторика ненависти, вербальный экстремизм, коммуникативные стратегии, онлайн-конфликты, социальные сети, цифровая коммуникация

Для цитирования: Парфёнова М. С. Специфика коммуникативных стратегий и тактик «языка вражды» в российском сегменте социальных медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 2 (56). С. 16–25. doi: 10.47475/2070-0695-2025-56-2-16-25

Original article

THE SPECIFICS OF COMMUNICATION STRATEGIES AND TACTICS OF HATE SPEECH IN THE RUSSIAN SEGMENT OF SOCIAL MEDIA

Margarita S. Parfyonova
North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia,
mparfyonova19@gmail.com, 0009-0006-1378-6876

Abstract. The concentration of information resources in a single digital space, the anonymity of user statements, and the lack of network regulation create favorable conditions for the spread of destructive speech practices that violate public order. The purpose of this article is to study the activity of users in the Internet space, which made it possible to identify the specifics of communication strategies and tactics of hate speech. This work presents approaches to defining hate speech and related nominations, including hate speech, verbal aggression, and verbal extremism. The role of stereotypes and prejudices that provoke social phobias and increase verbal hostility is considered. From November 2023 to December 2024, a study was conducted on popular VKontakte and Telegram channel communities in the North Caucasus. Publications and comments from both news and unofficial groups were studied. The empirical basis was 618 entries containing signs of conflicts. As a result, a research strategy was developed that made it possible to identify and formulate the

communicative tactics of the hate speech of the hard, medium and soft levels of network collisions. The results of the study led to the following conclusions. The specificity of hate speech is expressed in the implicitness of its content and adaptation to the algorithms of social platforms. The discriminatory agenda is shifting to content visualization tools: photos, memes, stickers, GIF animation, hashtags, videos, and broadcasts spread all types of intolerance. The virality of emotionally charged content and the democratization of information have led to a blurring of the boundaries of objectivity, where the number of views, reactions, and comments prevails over reliability. The results of the study can be used to predict and prevent speech conflicts in the digital environment.

Key words: hate speech, verbal aggression, hate rhetoric, verbal extremism, communication strategies, online conflicts, social networks, digital communication

For citation: Parfenova M. S. (2025). The specifics of communication strategies and tactics of hate speech in the Russian segment of social media. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 2(56): 16–25. doi: 10.47475/2070-0695-2025-56-2-16-25 (In Russ).

Постановка проблемы

В современной лингвистике проблема изучения конфликтогенности медиатекстов и её частных проявлений, таких как речевая агрессия, язык вражды, вербальный экстремизм, является одной из актуальных проблем научных исследований. Глобализация, провоцирующая стремление к самоидентификации и обособлению, усиление миграционных потоков, экономические кризисы, обостряющие конкуренцию, культурная и политическая поляризация, исторически укоренившиеся национальные обиды – все это является факторами усиления конфликтогенности медиасреды. Единство информационного поля в сети интернет, возможность анонимной передачи субъективных настроений и отсутствие эффективных инструментов регулирования сетевых информационных потоков приводят к росту речевой агрессии и языка вражды.

Проблема конфликтогенности медиасреды сегодня находится в парадигме научных исследований в разных областях знаний – медиакоммуникаций, журналистики, лингвистики, политологии, социологии, конфликтологии и др. «Речевым конфликтом» является «состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в процессе которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» (Третьякова 2004: 112)

С точки зрения философской рефлексии проблема конфликтогенности коммуникации рассматривается в трудах Е. А. Кормочи (2010), Ю. Хабермаса (2010). С лингвистической точки зрения речевая агрессия и конфликтогенность рассматривается в работах Т. Н. Колокольцевой (2001), Т. Г. Добросклонской (2008), Ю. В. Щербининой (2012), П. Л. Горелик, М. М. Русаковой, Л. В. Куценко (2022). Особое внимание исследователей направлено на рассмотрение деструктивного массмедийного текста с точки зрения юрислингвистики, что отражено в работах В. С. Третьяковой (2004), М. В. Кроз, Н. А. Ратиновой (2005), Н. С. Громовой (2016), Е. Н. Ежовой (2003, 2018), Г. А. Копниной (2023) и др.

В последние годы увеличилось количество исследований, направленных на исследование деструктивной коммуникативной среды в условиях информационно-психологических войн и ментальных противостояний, в частности этому посвящены работы таких ученых, как С. Бенеш (2012), А. В. Леопа, О. В. Фельде, К. В. Волчок (2022), А. А. Бернацкая, Е. А. Горностаева, И. В. Евсеева и др. (2020), М. В. Загидуллина, Н. В. Журавлев (2023), Л. В. Куликова, Е. В. Еремина (2023), И. В. Евсеева, Г. А. Копнина (2024) и др.

Проблеме речевой агрессии и языка вражды в сетевой коммуникации посвящены работы Е. И. Галяшиной, В. Д. Никишина (2021), С. Н. Бредихиной, Е. А. Авдеевой, Б. А. Шишкиной (2024), О. В. Магировской, А. А. Струзик (2024) и др.

Теоретико-методологические основания исследования

В зону особого внимания научных исследований феномен языка вражды («hate speech») входит начиная с 2000-х годов. Значительная часть исследований посвящена рассмотрению языка вражды в аспекте этнонациональной конфликтности, о чем свидетельствуют работы B. Mullen, D. Rozell, C. Johnson (2001), B. Mullen, T. I. Leader, D. R. Rice (2009), B.-E. M. Mazid (2012), J. Waldron (2012), А. В. Евстафьевой (2009), А. Б. Бушева (2018), А. А. Сычева (2018), Е. Н. Василенко (2021) и др.

В многочисленных трудах ученых язык вражды рассматривается в противопоставленности языку согласия, чему посвящены работы И. Т. Вепревой, Н. А. Купиной, О. А. Михайловой, С. Ю. Данилова в коллективной монографии «Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности» (2006), А. С. Крайновой «Лингвопрагматический аспект речевого общения (речеповеденческие тактики согласие и несогласие)» (2012), Т. В. Поляковой «Функционально-семантическое поле согласия в коммуникативном аспекте» (2018), Е. А. Коваль «Риторика доверия как коммуникативная стратегия борьбы с риторикой ненависти» (2019) и др.

Анализируя различные интерпретации термина язык вражды, мы пришли к выводу о наличии различных точек зрения на содержание этого понятия. Сложность дефинирования данного понятия заключается, на

наш взгляд, прежде всего, в многообразии речевых проявлений языка вражды, варьирующих от явных оскорблений и угроз до скрытых и завуалированных видов нетерпимости. Одни подходы к дефиниции сосредоточены на интенциях субъекта коммуникации, подчеркивая наличие преднамеренного желания причинить вред: «совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях, отношение к адресату – носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости» (Василенко 2021: 71). Другие трактовки акцентируют внимание на оказываемый эффект речевых актов, обозначая языком вражды любую форму выражения, способствующую возникновению дискриминационных установок и враждебной атмосферы в зависимости как от преднамеренных, так и случайных мотивов автора: «слова и выражения, которые подсознательно или явно программируют людей на агрессию, являются её пусковым механизмом» (Щербинина 2012: 172).

Существует также подход, учитывающий контекст высказываний, в котором одно и то же сообщение может быть интерпретировано по-разному, в зависимости от ситуации и аудитории. Так, А. А. Сычев, Е. А. Коваль и Н. В. Жадунова в работе, посвященной проблеме квалификации языка вражды в отношении мигрантов, предлагают систему признаков, включающую «текстуальные речевые характеристики» («характеристика объекта, выраженная при помощи слов, жестов, изображений, которые имеют устойчивые негативные смыслы»), «контекстуальные» («отдельные элементы текста приобретают уничижительное или оскорбительное значение лишь в общем контексте высказывания»), а также «метаконтекстуальные» («расстановка смысловых и эмоциональных акцентов осуществляется таким образом, что даже объективные факты воспринимаются как подтверждение того, что мигранты являются одной из основных угроз безопасности») (Сычев 2018: 809).

С нашей точки зрения, определение языка вражды должно опираться на многоуровневый подход, учитывающий систему семантических и прагматических параметров в общем контексте коммуникативного взаимодействия, таких как содержание высказывания, контекст его использования, воздействие на реципиентов, а также провокативный потенциал (способность провоцировать насилие и дискриминационные практики). В рамках такого подхода под языком вражды мы будем понимать совокупность речевых актов негативного отношения к представителям групп, отличных от группы адресанта, используемых с целью унизить, оскорбить и дискредитировать их на основании таких социальных характеристик, как расовое, национальное, конфессиональное происхождение, пол, социальный статус, наличие иной парадигмы духовных ценностей. Язык вражды проявляется посредством провокации и оправдания всех видов словесного насилия на основе собственной нетерпимости и нетолерантности, оказывая деструктивное воздействие на общество и подрывая фундаментальные принципы гуманности.

Основанием языка вражды неизменно служит исторически закрепившийся стереотип о преимущественно низком статусе определённой социальной группы. Негативное восприятие и предвзятые установки способны провоцировать возникновение социальных фобий, что ведёт к возникновению речевых конфликтов.

Стереотипы и предубеждения находятся в тесной взаимосвязи, которую можно представить в виде устойчивой когнитивной схемы: предубеждения способствуют формированию стереотипов, которые, в свою очередь, подтверждают сложившиеся ожидания относительно действий и качеств объектов категоризации. Предубеждения есть одна из древнейших форм гноселогической адаптации человека к окружающей среде. Причины, по которым у индивида формируются предубеждения и стереотипные представления по отношению к «другим», заключаются зачастую в удовлетворении собственных психологических потребностей в самоуважении, безопасности, сопричастности, а также желании упростить обработку поступающей информации за счет использования готовых шаблонов рефлексии.

В отечественной лингвистике феномен «hate speech» осмысливается через призму степени враждебности языка, уровня негативной стереотипизации особенностей межэтнического взаимодействия, маркеров ксенофобии, интолерантности и неполиткорректности. В зависимости от этого ситуации словесной конфликтности даются разные номинации: «риторика ненависти», «речевая агрессия», «вербальный экстремизм» и др.

С нашей точки зрения, понятия речевой агрессии и риторики ненависти являются более широкими. Риторика ненависти подразумевает регулярное использование речевых стратегий для распространения негативистского отношения к определенному фрагменту реальности в форме медийной пропаганды, публичных выступлений, медиа-сообщений и т. п. Это понятие содержит не только вербальное и невербальное адресное обращение, но и воздействие, направленное на достижение определенных идеологических целей. Мировоззренческим принципом риторики ненависти служит стратегия категоризации потенциального оппонента. Е. А. Коваль считает, что риторика ненависти «базируется на такой дифференциации и одновременно рассчитана на сочувствие и понимание со стороны “своих” и на дискредитацию нормативного статуса “чужих”» (Коваль 2019: 71).

В понятии «речевой агрессии», трактуемой как «комбинация сценариев, которые используются оппонентами как средства вербального нападения или защиты» (Горелик 2022: 1243) идеологический компонент может отсутствовать.

Вербальный экстремизм относится к радикальной риторике и является угрозой национальной безопасности, так как дестабилизирует общественный порядок, насильственно изменяя утвержденный в стране социально-политический строй. «Вербальным экстремизмом» значится «вид речевого правонарушения, предполагающий использование комплекса языковых средств субъектом в процессе устной или письменной речи для осуществления экстремистской деятельности» (Громова 2016: 213). Законодательные рамки этого термина фиксируются Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 12.12.2024)) и статьёй 280 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно предусматривают уголовную ответственность за «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенных публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет» (УК РФ. Статья 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, URL: https://clck.ru/3MbRgb (дата обращения: 14.12.2024)).

Таким образом, смысловыми доминантами, формирующими ядерное значение понятия языка вражды, являются семы «ненависть», «вражда», «рознь», «превосходство», «неполноценность». Уточняющими, дифференциальными маркерами языка вражды являются семы, указывающие на сферы жизнедеятельности («социальный», «расовый», «национальный», «религиозный», «языковой», «принадлежность», «происхождение», «идеологический», «политический») и семы, связанные с коммуникативным действием / воздействием («оправдание», «возбуждение» «пропаганда», «нарушение», «призыв»). Через эти атрибуты язык вражды приобретает форму когнитивной концептуализации в мыслительных операциях обеих сторон конфронтации.

Дискуссионным является в науке и вопрос типологизации языка вражды. Наиболее функциональной, по нашему мнению, является классификация, предложенная исследователем А. М. Верховским. Принцип, в основе которого лежит типизация отрицательности обращения к религиозным и этническим группам, разграничивает язык вражды на мягкий, средний и жесткий формы. Так, мягкий уровень вербального состязания, как правило, не характеризуется буквальным прямым нападением, так как элементы пренебрежения, унижения и обесценивания определенных групп людей в речах говорящего маскируются под небрежно брошенный комментарий. Выбранная коммуникативная стратегия позволяет агрессору избежать ответственности за свои слова. Мягкая языковая вражда не обходится без базирования на стереотипах, наделенных людьми социальной приемлемостью, например: «все X ленивые и не приносят пользы», «у всех Y проблемы с алкоголем».

Общество привыкло считать, что кодирование категориальных признаков отдельных групп посредством необоснованных ярлыков является безобидным действием без какого-либо вражеского подтекста. Игнорирование факта закрепления негативных ассоциаций и представлений за национальными, этническими, конфессиональными, расовыми, социальными группами оправдывается отсутствием субъективного осмысления за собой всяких последствий. С точки зрения А. М. Верховского, в мягкие формы языка вражды входят коммуникативные практики, конструирующие отрицательный имидж этнических сообществ: акцентирование на мнимой несостоятельности и девиантности, презентация социальной группы в уничижительном ключе, ретрансляция ксенофобных и стигматизирующих нарративов (Верховский 2002: 42).

Средний язык вражды использует более агрессивные формы, заключающиеся в утверждении стереотипных представлений о коллективной вине, о непропорциональном превосходстве группы по определенным признакам; в оправдании исторических случаев дискриминации и насилия; дискредитации посредством утверждения об исторических преступлениях. Часто это выражается в конкретизации высказываний: вместо обтекаемого утверждения «X все ленивые» будет звучать фраза «X ничего не делают, кроме как сидят на шее у общества».

Речи агрессора преследуют миссию снижения статуса и достоинства оппонента, например, путём обвинения в совершении в прошлом каких-либо поступков, причем вина возлагается не на отдельного человека, а на всех членов его группы. В отличие от мягкой формы, данный уровень не скрывается за, казалось бы, безобидными формулировками, но ещё не переходит в стадию пропаганды насилия.

Согласно А. М. Верховскому, жесткий язык вражды связан с «прямыми и непосредственными призывами к насилию и дискриминации; призывами к насилию и дискриминации в виде общих лозунгов; завуалированными призывами к насилию и дискриминации» (Верховский 2002: 42). Он отличается

вербализацией прямой агитации с мотивированным причинением насильственного вреда человеку или конкретной общности людей. Примерами этой языковой вражды служат слова и выражения *«убить», «уничтожить», «изгнать»; «Вы все должны умереть!», «Ваш народ не достоин жить среди нас!»* и др.

Согласно мнению правоведов, язык ненависти направлен, прежде всего, на формирование предпосылок к дискриминации людей, то есть вызывает провоцирующий эффект. М. В. Кроз и Н. А. Ратинова фиксируют три параметра в структуре языка вражды: «ложную идентификацию» (формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии и т. п.), «ложную атрибуцию» (приписывание враждебных действий и опасных намерений представителям какой-либо нации, расы, религии и т. п.) и «мнимую оборону» (побуждение к каким-либо действиям против определенной социальной группы) (Кроз 2005: 77).

В исследовании Е. Н. Ежовой выявлены четыре типа коммуникативных доминант языка вражды:

1) «социально-историческая доминанта – рефлексия той или иной этнической группы по поводу стирания собственной идентичности или острое переживание «исторических несправедливостей», в частности соотнесение бедствий, неблагополучия в прошлом, настоящем и будущем одной этнической (или иной) общности с целенаправленной деятельностью другой общности;

2) социокультурная доминанта – несовпадение этнических (или иных) стереотипов и моделей поведения при межкультурном общении в рамках одного социума;

3) социально-экономическая доминанта – узурпация определенных привилегированных экономических сфер представителями одной этнической (или иной) группы в ущерб другой;

4) политико-правовая доминанта – неконтролируемый доступ к распределению материальных ресурсов и привилегий органов власти или представителей определенных социальных групп и необходимость возвращения ситуации в правовое поле» (Ежова 2018).

В качестве ключевой проблемы типологизации языка вражды выступает степень выражения негативного отношения к определённым людям и их группам, где оно, в зависимости от используемого лексического набора и ситуативного контекста, эволюционирует в новые самоорганизующиеся формы. «Так, существует относительно небольшое количество конкретных языковых единиц, которые однозначно понимаются как оскорбительные и враждебные. Большинство языковых единиц являются нейтральными, но способны выражать различные оттенки враждебности в контексте дискурса о миграции» (Сычев 2018: 808).

За последнее десятилетие проявления речевой агрессии и языка вражды претерпели значительные трансформации. Прежде всего, это вызвано цифровизацией медиапространства, интеграцией социальных медиа и иных инфокоммуникационных практик в повседневную жизнь, особенно в молодежной среде. Виртуальный мир позволил языку вражды распространяться с беспрецедентной скоростью и охватом, сохраняя при этом анонимность и конфиденциальность атакующего. Сформировались альтернативные методы кодирования языка вражды, адаптированные к цифровой среде: троллинг, кибербуллинг, доксинг, флейминг и пр.

Текстовое представление дискриминационной повестки отходит на второй план, уступая место современным инструментам визуализации контента, среди которых публикации постов, фотографий, вирусных мемов и коротких роликов с предоставлением неограниченного пространства для комментирования; хэштеги, мобилизирующие сторонников ненавистнических идей и радикальных взглядов; видеоплатформы и прямые интернет-трансляции, пропагандирующие насилие, расизм, сексизм и иные формы нетерпимости. Группы, каналы и тематические форумы в мессенджерах, флуд, стикеры и GIF-анимация только усугубляют сложившуюся ситуацию, поддерживая дискуссии, переходящие в обмен оскорбительными репликами и угрозами. Стоит упомянуть и масштабный сегмент игрового сообщества, представители которого, используя текстовый и голосовой чаты, имеют возможность открыто выражать свою позицию в отношении расы, пола, национальности и религии других игроков.

Как отмечают Е. И. Галяшина и В. Д. Никишин «деперсонализация автора контента, ношение “виртуальной маски”, конструирование репрезентации ботом сетевых виртуалов способствуют правовому нигилизму и удовлетворению низменных потребностей человека посредством унижения других для собственного самоутверждения, упрощают появление пропагандистского дискурса, который способен “промывать мозги”, отуплять, оглуплять, провоцировать девиантность и деликвентность поведения, насилие и криминальные поступки в реальном, а не виртуальном мире» (Галяшина 2021: 557).

С нашей точки зрения, для разработки эффективных мер противодействия языку вражды необходимо выйти за пределы поверхностной фиксации актов агрессии и сосредоточиться на анализе многообразия их проявлений. Ключевое значение приобретает изучение активности пользователей в интернет-пространстве, где ненавистнические высказывания находят наибольшее распространение и варьируются по степени интенсивности.

С ноября 2023 года по декабрь 2024 года нами исследовалось цифровое пространство Северного Кавказа – региона с наибольшим этническим разнообразием в России. Объектом исследования стали посты и комментарии в популярных сообществах «ВКонтакте» (53 источника) и Телеграм-каналах

(38 источников), обеспечивающие баланс между официальной, независимой, новостной, этнически специфичной информацией. Разнообразие тематических источников позволило проследить доминирующие онлайн-повестки, настроения населения и особенности местной идентичности. Выборка охватывает от 6 и более сообществ для каждого субъекта СКФО, что дает возможность сравнивать информационные потоки в республиках с традиционно высокой интернет-активностью, таких как Дагестан и Чечня, регионах с развитой медиасредой, вроде Ставропольского края, а также на территориях с выраженной этноконфессиональной спецификой, к которым относятся Ингушетия и Кабардино-Балкария.

Эмпирический материал был описан по следующим параметрам: 1) идентификатор источника информации (канал, наименование сообщества/аккаунта и гиперссылка); 2) категория контента (публикация или комментарий); 3) метаданные публикации (дата и время, а также при наличии инфоповод); 4) скриншот; 5) расшифровка вербальной части текста; 6) категоризация коммуникационных тактик; 7) определение типа языка вражды (жесткого, среднего, мягкого). Организация информации таким образом позволила выявить и систематизировать коммуникативные стратегии и тактики как конкретных речевых актов, так и сложившихся общих паттернов взаимодействия. Включение метаданных контента позволило установить корреляцию между используемыми стратегиями, временными параметрами и контекстом обсуждения. Учет инфоповода создал основу для прогнозирования исхода будущих речевых событий и информационного фона.

Полученная информация по перечисленным параметрам переносилась в таблицы и анализировалась вручную. Для каждого из субъектов СКФО была создана отдельная таблица без ограничений по объему. Чтобы обеспечить удобную навигацию по многочисленным ячейкам и ускорить процесс обработки качественных данных, слова, словосочетания и тезисы из публикаций и комментариев выделялись жирным шрифтом. Напротив каждой ячейки с выявленной агрессией плюсами помечались соответствующие разновидности стратегий и тактик языка вражды. Наглядное представление информации позволило получить достоверные результаты, как количественные, так и качественные.

Результаты исследования

Эмпирическая основа исследования насчитывает 618 записей, содержащих конфликтную интенцию. В результате нами была разработана исследовательская стратегия, позволившая выявить многоуровневые коммуникативные тактики языка вражды.

Стратегия жесткой степени враждебности, демонстрирующая значительную распространенность радикальных форм деструктивного дискурса, насчитывает 150 единиц контента и содержит следующие тактики:

1) высказывания, прямо поощряющие причинение насилия (34 ед.);
2) публичная пропаганда агрессии через общие лозунги (15 ед.);
3) открыто выраженная поддержка дискриминационных действий (44 ед.);
4) завуалированные призывы, содержащие намёки на агрессию и ущемление прав (например, продвижение известных исторических актов насилия) (57 ед.).

Стратегия средней степени враждебности насчитывает 214 единиц контента и содержит социально приемлемые в определённых кругах тактики:

1) одобрение прошлых случаев насилия и дискриминации (38 ед.);
2) обвинение отдельных народов в преступлениях прошлого (51 ед.);
3) создание негативного имиджа групп путём приписывания им связей с органами власти и государственной системой (25 ед.);
4) утверждение, что определённые народы склонны к криминалу (29 ед.);
5) подчёркивание экономического преимущества одной этнической группы перед другой (17 ед.);
6) негативное освещение влияния этносоциальной группы на государство и общество (31 ед.);
7) требование препятствовать интеграции различных этноконфессиональных и социальных сообществ в регион (16 ед.);
8) утверждение о вредоносном влиянии конкретной субкультуры на общество (7 ед.).

Наиболее распространённая, часто маскирующаяся под объективную критику или иронию, стратегия мягкой степени враждебности насчитывает 254 единиц контента и содержит следующие тактики:

1) отрицание исторических фактов жестоких действий и притеснений (32 ед.);
2) навязывание негативных стереотипов относительно быта, системы ценностей, поведенческих установок конкретной этноконфессиональной группы (61 ед.);
3) употребление наименований этноконфессиональной группы в дискредитирующей форме (55 ед.);
4) акцентирование внимания на моральных или культурных изъянах группы с позиции превосходства над ней (47 ед.);
5) обращение к этнорелигиозным признакам в негативном контексте (например, при освещении преступных деяний) (28 ед.);

6) распространение ксенофобных воззрений без подкрепления личного мнения или критической оценки автора (19 ед.);

7) дискредитация облика определённой субкультуры (12 ед.).

Ключевыми триггерами возникновения речевых конфликтов оказались нарративы, направленные на отрицание общероссийской, этнической и конфессиональной идентичностей, отрицание России как государства-цивилизации, провоцирование межэтнических и межконфессиональных конфликтов, негативное отношение к русскому языку и российской культуре, провоцирование ценностно-мировоззренческой конфликтности. Контент данного характера вызывал самые бурные реакции и обсуждения у комментаторов.

Теперь перечислим закономерности стратегий и тактик языка вражды в регионах. В Чечне и Дагестане пользовательская активность носит выраженный этнический и религиозный характер, отражающийся в протестных настроениях касательно арабо-израильского конфликта и политики властей. В Ингушетии и Северной Осетии радикально настроенные толкователи ислама выявляют в священных писаниях агрессивные обращения, побуждающие к конфронтации с представителями других религий. В Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии превалирующая часть конфликтов относится к требованию препятствовать интеграции различных этноконфессиональных и социальных сообществ в регион с подчеркиванием их негативного влияния на государство и общество. Таким образом, в этих субъектах СКФО наблюдаются все стратегии языка вражды, но с преобладанием средних и особенно агрессивных форм.

В Ставропольском крае происходит относительно гармоничное распределение различных видов деструктивного контента по сравнению с другими регионами, т. е. преобладает мягкий язык вражды. При этом особую проблему представляет распространение нарративов, разделяющих население на коренных жителей и новоприбывших. Исходя из этого, в общественном сознании, особенно у молодежи, закрепляются образы «чужих», угрожающих местным традициям и социальному благополучию.

Исследование показало, что в социальной сети «ВКонтакте» доминируют средние формы языковой вражды, в то время как Телеграм преобразуется в платформу для более радикальных высказываний из-за отсутствия качественной модерации.

Особенно беспокоит эксплуатация аргумента «свободы самовыражения» в продвижении мнений, подрывающих единство российского общества. Наиболее уязвимыми перед подобными нарративами становятся молодёжные группы, в которых формируется устойчивое противопоставление кавказской и российской идентичностей.

Выводы

Прогноз развития речевых конфликтов указывает на высокую вероятность усиления выявленных тенденций из-за попыток использования ценностных различий в деструктивных целях. Исследование показало, что наибольшую устойчивость к подобным воздействиям демонстрируют регионы с исторически сложившимися традициями межэтнического взаимодействия, такие как, например, Ставропольский край, сохраняющий прочный общественный консенсус относительно базовых ценностных ориентиров.

Трансформация современной медиасреды под влиянием процессов цифровизации и глобализации всех сфер жизнедеятельности общества вызвала преобразование и коммуникативных стратегий и тактик. Виральность постов, провоцирующих бурные эмоциональные реакции, стимулирует распространение языка вражды в онлайн-пространстве. Демократизация контента сделала поток информации избыточным и в определенной степени нерегулируемым: границы объективности размыты, люди зачастую занимают позицию того, кто набрал наибольшее количество просмотров и лайков. Этой коммуникативной среде язык вражды воспринимается как нормальная будничная часть онлайн-общения.

Общество переживает сейчас период интенсивной социокультурной трансформации, затрагивающей фундаментальные институты и ценностные системы. Столкновение традиционных ценностей и ценностей модернизирующейся реальности порождает условия для возникновения межгрупповых конфликтов, обусловленных, прежде всего, преобразованием коллективной и индивидуальной идентичностей, конкурирующих картин мира. В данной ситуации комплексная работа по мониторингу социальных медиа играет ключевую роль в выявлении факторов риска, что обеспечивает нас ценной информацией для дальнейшего прогнозирования социальных процессов.

Список источников

Бенеш С. Слова как оружие // Журнал мировой политики. 2012. Т. 29 (1). С. 7–12.

Бернацкая А. А., Горностаева Е. А., Евсеева И. В. и др. Лингвистика информационно-психологической войны. Красноярск. Том III. 2020. 344 с.

Бредихин С. Н., Авдеев Е. А., Шишкин Б. А. Язык вражды в сетевом пространстве полиэтничных регионов Северного Кавказа: функционально-прагматический анализ конфликтогенов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 9–17.

Бушев А. Б. Дискурс неравенства: истоки оскорблений // Язык и право : актуальные проблемы взаимодействия: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 101–113.

Василенко Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2021. № 2 (244). С. 90–97. https://doi.org/10.52065/2520-6729-2021-249-2-90-97.

Верховский А. М. Общий анализ результатов мониторинга // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. Москва : Центр «Панорама». 2002. С. 20–48.

Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Язык вражды как угроза информационной безопасности интернет-коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. № 3. С. 555–573.

Горелик П. Л., Русакова М. М., Куценко Л. В. Речевая агрессия как стратегическая коммуникация // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 4. С. 1242–1246. https://doi.org/10.30853/phil20220196.

Громова Н. С. Вербальный экстремизм как форма речевого манипулирования адресатом // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : сб. мат-ов конф. Екатеринбург, 2016. С. 72–76.

Данилов С. Ю. Речежанровые сигналы вражды и согласия: предвыборные дебаты // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллектив. моногр. / науч. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 2006. С. 161–175.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. Москва : ФЛИНТА. 2008. 263 с.

Евсеева И. В., Копнина Г. А. Роль средств массовой коммуникации в информационно-психологической войне // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 363–368.

Евстафьева А. В. Язык вражды в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования : дис. ... канд. филологических наук. Тольятти, 2009. 298 с.

Ежова Е. Н. К вопросу о проявлениях экстремизма в медиадискурсе о Северном Кавказе: опыт лингвистических экспертиз конфликтогенных текстов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, № 2. С. 209–219. https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.205.

Загидуллина М. В. Социотехнические разрывы кризисных ситуаций // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 130–136.

Информационно-психологическая война в философском и лингвистическом осмыслении : коллектив. моногр. / науч. ред. А. В. Леопа, О. В. Фельде, К. В. Волчок. Красноярск : Сибирский федеральный университет. 2022. 152 с.

Коваль Е. А. Риторика доверия как коммуникативная стратегия борьбы с риторикой ненависти // Российский хороший журнал. 2019. № 2 (2). С. 65–81.

Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи : монография. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та. 2001. 359 с.

Кормочи Е. А. Язык как предмет философской рефлексии // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2010. № 2 (16). С. 12–29.

Крайнова А. С. Лингвопрагматический аспект речевого общения (речеповеденческие тактики согласие и несогласие) : монография. Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та. 2012. 159 с.

Кроз М. В., Ратинова Н. А. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти // Цена ненависти: национализм в России и противодействие расистским преступлениям / сост. А. М. Верховский. Москва : Центр «Сова». 2005. С. 75–92.

Куликова Л. В., Еремина Е. В. Информационная война в зарубежном медийном пространстве // Манипуляции и социум : язык, сознание, культура : сборник научных трудов. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 2023. С. 156–158.

Магировская О. В., Струзик А. А. Поликодовая репрезентация информации в мессенджере Telegram // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 2. С. 92–101. https://doi.org/10.18721/JHSS.15209.

Полякова Т. В. Функционально-семантическое поле согласия в коммуникативном аспекте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: 2. Филология и искусствоведение. 2018. № 1 (212). С. 75–79.

Сычев А. А. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) // Регионология. 2018. Т. 26, № 4. С. 798–815. https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.798-815.

Третьякова В.С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика. 2004. № 5. С. 112–120.

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. Ю. С. Медведева под ред. Д. В. Скляднева. СПб. : Наука. 2001.

Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. Москва : Форум. 2012. 397 с.

Mazid B.-E. M. HateSpeak in modern Arabic discourse. Cambridge Scholars Publishing, 2012. 170 p.

Mullen B., Leader T. I., Rice D. R. Complexity and valence in ethnopholisms and exclusion of ethnic outgroups: What does «hate» mean in hate speech? // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96 (1). Pp. 170–182.

Mullen B., Rozell D., Johnson K. Ethnopholisms for ethnic immigrant groups : the contribution of group size and familiarity // European Journal of Social Psychology. 2001. Vol. 31 (3). Pp. 231–246. https://doi.org/10.1002/ejsp.37.

Waldron J. Harm in Hate Speech. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2012. 292 p. https://doi.org/10.4159/harvard.9780674065086.

References

Benesch, S. (2012). Slova kak oruzhie [Words as Weapons]. *Journal of World Politics*. Vol. 29 (1), 7–12. (In Russ).

Bernatskaya, A. A., Gornostaeva, E. A., Evseeva, I. V. (Eds.) (2020). *Lingvistika informacionno-psihologicheskoj vojny* [Linguistics of information and psychological warfare]. Krasnoyarsk. Volume III. (In Russ.).

Bredikhin, S. N., Avdeev, E. A., Shishkin, B. A. (Eds.) (2024). Yazyk vrazhdy v setevom prostranstve polietnichnyh regionov Severnogo Kavkaza: funkcional'no-pragmaticheskij analiz konfliktogenov [Hate Speech in Network Space of the North Caucasus Multiethnic Regions: Functional and Pragmatic Analysis of Conflictogens]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (887), 9–17. (In Russ.).

Bushev, A. B. (2018). Diskurs neravenstva: istoki oskorbleniy [The discourse of inequality : the origins of insults]. *Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya: materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 101–113. (In Russ.).

Vasilenko, E. N. (2021). «Yazyk vrazhdy» kak forma proyavleniya konfliktov, osnovannyh na stereotipah [«Hate speech» as a form of manifestation of conflicts based on stereotypes]. *Trudy BGTU. Series 4: Print and media technologies*, 2 (244), 90–97. https://doi.org/10.52065/2520-6729-2021-249-2-90-97 (In Russ.).

Verkhovsky, A. M. (2002). Obshchij analiz rezul'tatov monitoringa [General analysis of monitoring results]. *Yazyk moj... Problema etnicheskoj i religioznoj neterpimosti v rossijskih SMI*. Moscow : Panorama Center, 20–48. (In Russ.).

Galyashina, E.I., Nikishin, V.D. (Eds.) (2021). Yazyk vrazhdy kak ugroza informacionnoj bezopasnosti internet-kommunikacii [Hate speech as a threat to the information security of Internet communication]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 3, 555–573. (In Russ.).

Gorelik, P. L., Rusakova, M. M., Kutsenko, L. V. (Eds.) (2022). Rechevaya agressiya kak strategicheskaya kommunikaciya [Speech aggression as strategic communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, Vol. 15, 4, 1242–1246. https://doi.org/10.30853/phil20220196 (In Russ.).

Gromova, N. S. (2016). Verbal'nyj ekstremizm kak forma rechevogo manipulirovaniya adresatom [Verbal extremism as a form of speech manipulation of the addressee]. *Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstviya: sb. mat-ov konf*. Ekaterinburg. 146 p. (In Russ.).

Danilov, S. Y. (Eds.) (2006). Rechezhanrovye signaly vrazhdy I soglasiya: predvybornye debaty [Speech genre signals of hostility and consent : pre-election debates]. *Yazyk vrazhdy I yazyk soglasiya v sociokul'turnom kontekste sovremennosti. Kollektivnaya monografiya* [The language of hostility and the language of consent in the socio-cultural context of modernity : collective. monogr.]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta*,* 161–175. (In Russ.).

Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialingvistika : sistemnyj podhod k izucheniyu yazyka SMI : sovremennaya anglijskaya mediarech'* [Media linguistics: a systematic approach to studying the language of the media: modern English media speech]. Moscow : FLINTA. 263 p. (In Russ.).

Evseeva, I. V., Kopnina, G. A. (Eds.) (2024). Rol' sredstv massovoj kommunikacii v informacionno-psihologicheskoj vojne [The role of mass media in information and psychological warfare]. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (106), 363–368. (In Russ.).

Evstafieva, A. V. (2009). *Yazyk vrazhdy v sredstvakh massovoj informacii: lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie faktory funktsionirovaniya* [Hate speech in the media: linguistic and extralinguistic factors of functioning]. Tolyatti. (In Russ.).

Yezhova, E. N. (2018). K voprosu o proyavleniyah ekstremizma v mediadiskurse o Severnom Kavkaze: opyt lingvisticheskih ekspertiz konfliktogennyh tekstov [On the issue of manifestations of extremism in media discourse about the North Caucasus: the experience of linguistic examinations of conflict-generating texts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature*, 15, 2, 209–219. https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.205 (In Russ.).

Zagidullina, M. V. (2023). Sociotekhnicheskie razryvy krizisnyh situacij [Sociotechnical ruptures of crisis situations]. *Dinamika mediasistem*, Vol. 3, 1, 130–136. (In Russ.).

Leopa, A. V., Fel'de, O. V., Volchok, K. V. (Eds.) (2022). *Informacionno-psihologicheskaya vojna v filosofskom i lingvisticheskom osmyslenii* [Information and psychological warfare in philosophical and linguistic understanding]. Krasnoyarsk : Siberian Federal University. 152 p. (In Russ.).

Koval, E. A. (2019). Ritorika doveriya kak kommunikativnaya strategiya bor'by s ritorikoj nenavisti [The rhetoric of trust as a communicative strategy for combating hate speech]. *Rossijskij horoshij zhurnal*, 2 (2), 65–81. (In Russ.).

Kolokoltseva, T. N. (2001). *Specificheskie kommunikativnye edinicy dialogicheskoj rechi: monografiya* [Specific communicative units of dialogic speech : monograph.]. Volgograd : Publishing house of Volgogr. State University. (In Russ.).

Kormochi, E. A. (2010). Yazyk kak predmet filosofskoj refleksii [Language as a subject of philosophical reflection]. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki*, 2 (16), 12–29. (In Russ.).

Krainova, A. S. (2012). *Lingvopragmaticheskij aspekt rechevogo obshcheniya (rechepovedencheskie taktiki soglasie i nesoglasie) : monografiya* [Lingvopragmatic aspect of speech communication (speech behavioral tactics agreement and disagreement)]. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.).

Kroz, M. V., Ratinova, N. A. (Eds.) (2005). Ekspertnaya ocenka materialov, napravlennyh na vozbuzhdenie vrazhdy i nenavisti [Expert assessment of materials aimed at inciting hostility and hatred]. *Cena nenavisti: nacionalizm v Rossii i protivodejstvie rasistskim prestupleniyam* [The Price of hate: Nationalism in Russia and countering racist crimes]. Moscow : Sova Center, 75–92. (In Russ.).

Kulikova, L. V., Eremina, E. V. (Eds.) (2023). Informacionnaya vojna v zarubezhnom medijnom prostranstve [Information war in foreign media space]. *Manipulyacii i socium : yazyk, soznanie, kul'tura : sbornik nauchnyh trudov*. Kaliningrad : Immanuel Kant Baltic Federal University, 156–158. (In Russ.).

Magirovskaya, O. V., Struzik, A. A. (Eds.) (2024). Polikodovaya reprezentaciya informacii v messendzhere Telegram [Polycode representation of information in the Telegram messenger]. *Terra Linguistica*, Vol. 15, 2, 92–101. https://doi.org/10.18721/JHSS.15209 (In Russ.).

Polyakova, T. V. (2018). Funkcional'no-semanticheskoe pole soglasiya v kommunikativnom aspekte [Functional-semantic field of agreement in the communicative aspect]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : 2. Filologiya i iskusstvovedenie,* 1 (212), 75–79. (In Russ.).

Sychev, A. A. (2018). Problema klassifikacii yazyka vrazhdy v otnoshenii migrantov (na primere Respubliki Mordoviya) [The problem of classifying hate speech against migrants (using the example of the Republic of Mordovia)]. *Regionologiya*, Vol. 26, 4, 798–815. https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.798-815 (In Russ.).

Tretyakova, V. S. (2004). Rechevoj konflikt i aspekty ego izucheniya [Speech conflict and aspects of its study]. *Yurislingvistika*, 5, 112–120. (In Russ.).

Habermas, Yu. (2001). *Involving the other. Essays on Political theory* / translated by Yu.S. Medvedev, edited by D. V. Sklyadnev. SPb. : Nauka. (In Russ.).

Shcherbinina, Yu. V. (2012). *Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy* [Speech aggression. The territory of enmity]. Moscow : Forum. 397 p. (In Russ.).

Mazid, B.-E. M. (2012). *HateSpeak in modern Arabic discourse*. Cambridge Scholars Publishing. 170 p.

Mullen, B., Leader, T. I., Rice, D. R. (2009). Complexity and valence in ethnopholisms and exclusion of ethnic outgroups: What does «hate» mean in hate speech? *Journal of Personality and Social Psychology*, 96 (1), 170–182.

Mullen, B., Rozell, D., Johnson, K. (2001). Ethnopholisms for ethnic immigrant groups : the contribution of group size and familiarity. *European Journal of Social Psychology*, 31 (3), 231–246. https://doi.org/10.1002/ejsp.37.

Waldron, J. (2012). *Harm in Hate Speech*. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press. 292 p. https://doi.org/10.4159/harvard.9780674065086.

Информация об авторе

М. С. Парфёнова – специалист научно-образовательного центра (НОЦ) «Масс-медиа центр»

Information about the author

Margarita S. Parfyonova – specialist of the scientific and educational center (SEC) "Mass Media Center"

Статья поступила в редакцию 24.05.2025; одобрена после рецензирования 29.05.2025; принята к публикации 01.06.2025.
The article was submitted 24.05.2025; approved after reviewing 29.05.2025; accepted for publication 01.06.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.